

Дарья Новгородова

Сигналы за пределами поля и леса

Большинство акций КД чередуют клочковатый лес или стриженое поле, наблюдая их границы и смещения, часто рукотворные, будто следуя некоей истории, в которой герои либо бородаты, дремучи и коренасты, либо вдруг чисто выбриты.

КД никогда не увеличивают границы леса, но только поля, как например в акции На просвет (когда члены КД проредили опушку леса и тем самым чуть расширили поле), или в многочисленных уже акциях на Просеке Хайдеггера, пробитой в лесу, которую КД расширяют как вглубь (закапывая различные предметы в землю, пробиваясь в подземный мир, тартар), так и вверх (на акции Summa над просекой на максимально возможную высоту в небо поднимался квадрокоптер; на другом поле, в Воздвиженском, на акции Поднятие деревень КД пытались поднять в небо бесконечно длинную рейку). Идеальное поле КД постоянно продлевается, расширяется и углубляется. Пустота, широта и долгота.

И на акции в Калистово АМ раздавал фактографию – заламинированные фотографии поля по ту сторону речки Вори, в 90-х пустого, сейчас – уже наполовину застроенного дачными избушками.

Чего нет ни на поле, ни в лесу – так это возможности перемещения в другие пространства и возможности смотреть вдаль на разные другие места. В лесу ничего не видно из-за кустов и деревьев и взгляд путается в зарослях, а на поле плоскость монотонна как степь и ограничена только кромкой леса, все изменения, которые можно наблюдать, происходят только «внутри». С перемещением то же. На поле или в лесу всегда находишься точно там, где стоишь, остаешься «здесь». Меняя место, передвигаясь и петляя по нему, не меняешь его. Даже просека Хайдеггера, несмотря на ЛЭП, уже почти заросла, и, конечно, уже не просека и не проход, а точка – булавка или кружочек, аккуратно добавленный АМ на большую карту Киевогорского поля с номерами акций, висящую у него в комнате.

Эта картографическая двумерность совершенно не свойственна Калистово. В Калистово есть и поле, и лес, но они со всех сторон холмятся и будто куда-то сползают (или уползают), не стоят на месте. Еще есть бесконечно текущая речка Воря и ток электричества по проводам ЛЭП, которая тянется по широкой долине. В этом смысле холмистый Радонеж-

Калистово – не столько место, сколько направление и путь, на котором невозможна остановка. Само пространство Калистово устроено так, что достаточно выбрать почти любое место, чтобы ощутить случайность нахождения на нем, потому что взгляд уже не здесь и смотрит куда-то еще. А потом перебраться туда, куда только что был направлен взгляд, и посмотреть дальше (или посмотреть обратно). Как будто Херцог в самом начале своего пешего паломничества Мюнхен-Париж в 1973 году: «и вот я стал человеком, идущим вдоль дороги и смотрящим на проезжающие мимо машины, - подобным людям, которых я много раз видел на обочине из окна машины, проезжая мимо, и которые разглядывали меня». Завораживающее мерцание и неопределенность позиции – стоящего, проезжающего, смотрящего, ловящего на себе взгляд – вспоминающего как смотрел сам на ту точку, где стоишь сейчас, смотря туда, откуда смотрел раньше.

В Калистово то же: всегда не там, где есть, взгляд пляшет по холмам и далям, движение и путь.

И вся акция с красным пустым лозунгом была без остановок, деловитая.

Лозунги КД очень разные: многословные как переписка АМ-НП или описания Сергиева Посада из путеводителя, или визуальные как портреты романтиков, Канта, Кейджа, Фармера и множества других. Чаще всего лозунги неподвижны и растянуты между деревьями, иногда даже и не на поле, а в лесу (хотя сама лозунговая форма требует свободного пространства, чтобы взгляд мог охватить целиком длинную строчку и прочесть ее, а в лесу какое чтение, не разбежаться и не отойти). На этот раз длинное красное полотнище – «пустой лозунг» - пронесли по холму под ЛЭП и дальше на песчаный косогор к речке Воре (вверх и вниз). Шествие напоминало бы похоронное, а красный лозунг – флаг, укрывающий длинный гроб пустоты, если бы не смешливое радостное настроение участников акции. Хорошая погода и вокруг было очень красиво. Над речкой Ворей красный лозунг растянули по склону сверху вниз, и слегка присыпали песком, чтобы не унесло ветром. Потом АМ дал прикрепить к нему белый квадрат, объяснив, что это аллюзия на один из последних сборников Сорокина. «Почему не отглажен?», – спросил кто-то. А квадрат и правда был как белая наволочка, смятая в тяжелых снах. АМ развел руками, потом отмахнулся – гладь-не гладь. Лозунг, и не

закопанный, и не на поверхности, не вполне подвластный ветру и не полностью попавший в землю, получил свое место на границе стихий на подвижном песчаном склоне, который бесконечно осыпается, сыпется и будет сыпаться еще долго – как течет река, как бежит электричество по проводам ЛЭП в долине Радонежа. Это было очень красиво, гармонично и даже подозрительно символично. Глянцевитая завершенность.

Вроде бы на этом акция закончилась, участники начали говорить о еде, искать по сумкам вкусные яблоки МишМаш, топтаться и устраиваться на песке для перекуса, но остановки не получилась. «Смысл акции, – неожиданно сказал АМ, – посмотреть, виден ли лозунг с дальней точки берега». Половина группы тут же отправилась туда, чтобы увидеть и сфотографировать издали лозунг на песчаном склоне и людей рядом. Оставшиеся возле лозунга какое-то время смотрели на фигурки людей, скрытых в лесу дальнего берега. Потом вся группа собралась вдали от лозунга (групповая фотография) – потом все вернулись к лозунгу, неся в мобильных телефонах красивые -картинки-сувениры: красная полоса на желтом склоне сквозь ветви, мастерский живописный мазок. Пафосность акции еще как бы усилилась, приобрела музейный лоск.

Опять наступила заминка. Было похоже, что на этом акция уже точно закончилась. Участники опять стали устраиваться поесть, и опять не получилось. С косогора к нам неожиданно сбежали две энергичные собаки. Они носились вокруг, вверх и вниз, и даже искупались в реке, насквали на стоящих людей, толкая их и расталкивая, заставляя уворачиваться, делать шаги назад, вправо, влево, в сторону. Играющие рыбки или дельфины в море. И группа опять двинулась с места. Решили добраться до какого-то столика в лесу на входе в долину реки Воря, который видели в самом начале пути, и там уже спокойно поесть.

На обратном пути мы остановились на высокой точке долины ЛЭП для групповой фотография, всем хотелось, чтобы одновременно были видна и группа, и бескрайняя долина внизу. Я вспомнила, как уже фотографировала здесь, когда приезжали на место в мае с МишМаш. Самый красивый снимок получился с их маленькими, едва видимыми с холма, фигурками.

Я сказала «спускайтесь и остановитесь на перекрестке дорог в самом низу, эта самая лучшая точка». Все пошли вниз, а я осталась наверху с фотоаппаратом. Будущая фотография уже стояла у меня в глазах: широкая

долина, окаймленная линией леса, огромные вышки ЛЭП, длинное серое небо, тонкие линии дорог, высокие травы, уже разлапистые от осени, а тут вот – будет тонкая прерывистая линия группы, фантомный след пути пронесенного пустого лозунга.

Тем временем участники акции внизу остановились и встали кучкой вместо линии. Нас разделяло метров 60, но это были очень ветреные метры, не докричатся. Я все же крикнула им сверху «растопырьтесь». Они вместо этого сгрудились еще теснее, и уже позировали, АМ поднял руки вверх. Посмотрев в объектив, я сказала себе «нет, так не пойдет» и опять крикнула «образуйте линию, рассредоточьтесь, растопырьтесь» - и развела руки в стороны. Они вроде бы напряженно прислушивались, потом зашевелились, но новая конфигурация была еще неудачнее. В ответ на следующую порцию моих дальних увещеваний, еще несколько человек подняли руки вверх, как бы показывая мне, чтобы я не психовала и не командовала, а кто-то развел руки в стороны, как бы копируя мои сигналы. Мы все будто участвовали в какой-то неведомой сигнальной коммуникации.

Дальше пытаться было бессмысленно. Растопыривалась, споря со своей единичностью, только я одна наверху (хотя мне-то уже точно было ни к чему), а фотографическая группа топталась, но так и оставалась пятном, а не линией. Я сделала фотографию и начала спускаться.

Перешли речку Воря по мосту, выйдя из долины ЛЭП, и акция как выключилась, исчезла невесомость. Мы уже просто шли, и всех дел у нас впереди было только остановиться и поесть. Перекус устроили за столиком в перелеске. Я искала ограду, подозревая что столик могильный, но там был только плетень, будто из музейной диорамы или

малороссийских рассказов Гоголя, уютный. За этим гоголем мы и сели. Обычное расслабленное время «после акции», разговоры – как было здорово, как повезло с погодой и какое красивое место этот Радонеж, или об оттенках цветов и названиях синего, берлинская лазурь, церулеум, кобальт. А потом снова возникла акционная линия.

Любой лозунг висит между текстовым, визуальным и звуковым пространствами. Вся акция прошла без слов, вне языка и звуков (прочерк красной линией лозунга по осенне-рыжим холмам Калистово), но дальше неожиданно появилось продолжение, «осыпавшиеся» буквы пустого лозунга проявились и как текст, и как речь.

На самом деле речевая линия акции началась с объявления АМ на выходе из машин в самом начале: «Если кто-то подойдет и будет спрашивать что мы делаем, нужно отвечать, что мы снимаем сериал Дядюшкин сон». Все несколько растерянно согласились, и больше этот «дядюшка» никак не проявлялся. Сразу после акции почти всегда такая пауза, когда акционные события и подробности перебираются, обсуждаются и складываются в какой-то узор. И за перекусом среди прочего вдруг вспомнили Достоевского дядюшку. Стали выяснять кто читал, и о чем там. Памятливый Ситар все подробно рассказал, и разговор свернул на русских писателей. Последнее время «русские писатели» как тема вообще почему-то возникает часто, и в связи с Сорокиным, и сама по себе – была отличная выставка Яна Гинзбурга «СовПис» с писателями, уловленными в сеть афоризмов Иосифа Гинзбурга и бесконечно эти афоризмы умножающими и уточняющими своими ответами и рецензиями на них (все подозревали, что на самом деле и афоризмы, и ответы, были придуманы Яном – получается, еще одним писателем).

На обратной дороге к машинам АМ рассказал про свой детский «грех», как жил здесь и однажды выбросил в речку Ворю иконы. Все страшно заинтересовались и стали выпрашивать где жил, как выбросил, что при этом думал и чувствовал и тд. АМ обещал, что наверху у машин покажет дом, который снимали его родители, возле него сделаем остановку и он все расскажет. Предвкушая раскрытие стыдной тайны, группа опять воспрянув, как лошадки, пошла веселее и наверху мы остановились у крайнего дома.

У забора дома АМ встал, причем как-то отчетливо картинно. Рисуясь и улыбаясь, заранее проверил, хорошо ли выстроен кадр видео и удачна ли его позиция на живописном фоне дома, самодовольство во всем этом виделось запредельное и неожиданное. Приняв наконец позу, неприятным

павлиньим голосом скомандовал зрителям «образуйте амфитеатр». Все подчинились и приготовились слушать, и тут вместо интересного рассказа о себе АМ стал декламировать о Добчинском и Бобчинском, фальшивя, ухмыляясь и жестикулируя как автомат, даже как-то простирая руки к «амфитеатру» (Ира Корина сняла видео). Закончил все не вполне ловким переходом к себе – что «так же и он сам», когда жил в этом доме, вырезал на деревянной балке террасы свои инициалы – САВ. И все, никакой тайны! Я вспомнила, что недавно АМ пересмотрел на youtube подряд 6 разных постановок Ревизора.

Так речевая линия акции возникла не в фонограмме, частых у КД, а прямо-таки в декламации, причем наиболее удаленной от обычной акционной практики – театральной. И последний дом, и соседние, оказались подходящей декорацией: с резными наличниками и орнаментами, у окон были прикреплены лучистые солнца. Среди этих солнц и была прочерчена вторая линия акции: помимо дядюшки из Достоевского, появился Сорокин из белого квадрата, потом маленький АМ из рассказа взрослого АМ, потом Добчинский и Бобчинский из Гоголя, потом процарапанный на дереве буратино САВ, сильно кренившийся в сторону Саваофа.

Сорокинский белый квадрат, появившийся на красном лозунговом полотнище, превратил его в сигнальный флажок. Дома я поискала что это за флаг, нашла синий с белым квадратом – флаг папа.

Рара: В гавани: Всем следует быть на борту, так как судно скоро снимается. **В море:** Может быть использован рыболовными судами в значении «Мои сети зацепились за препятствие».